

— Тебе нужна помощь?

Сы Юэ одернул край футболки и выпалил, даже не задумываясь:

— Нет. Вернусь домой и сам всё решу.

— Точно не нужна? — Бай Цзянь смотрел на него поразительно теплым взглядом.

Под этим взглядом Сы Юэ внезапно лишился дара речи.

Это было похоже на великолепный, вызывающе яркий коралл на мелководье, которому хватало и солнца, и пищи. Хрупкий, полупрозрачный, он дерзко тянулся вверх среди камней и песка.

Но природа всегда полна неожиданностей.

Там, где есть рифы, всегда возникают подводные течения и водовороты. Очередной водоворот безжалостно затянул коралл в свои недра. Нежные молодые побеги оказались в плену течения. Этот коралл только начал расти, он был куда более хрупким и одиноким, чем древние колонии по соседству. Обычно море ласкало его, но теперь водоворот играл с ним так, что коралл потерял всякие ориентиры.

Течение поднимало со дна песок, и грубые песчинки безжалостно били по беззащитному созданию. Силу природы нельзя недооценивать, даже если это всего лишь неприметное течение и горстка песка.

Мощь водоворота то спадала, становясь нежной, как весенний бриз, то вновь обрушивалась с такой яростью, словно хотела переломить коралл пополам.

От напора воды и трения песка стебель коралла сжимался и выделял сок, который бурлящий поток тут же жадно слизывал и поглощал без остатка.

Будь течение хоть немного агрессивнее, бедный маленький коралл мог бы и вовсе погибнуть в его объятиях.

Дзинь—

Створки лифта медленно разъехались. Сы Юэ вышел в коридор на ватных ногах, ведомый за руку Бай Цзянем. Глаза у юноши всё еще были покрасневшими, волосы — явно только что приглаженными, а рюкзак болтался в руке тритона.

Они не успели сделать и пары шагов, как слева к ним плавно подкатил черный внедорожник.

Стекло медленно опустилось, и показалось лицо Цзян Юя.

Он держал в руках дымящуюся порцию одэна¹. Поздоровавшись с боссом, он перевел взгляд на Сы Юэ:

— У тебя на шее...

Сы Юэ инстинктивно схватился за шею. Ветровку он надел в самом конце, и пока Бай Цзянь помогал ему одеваться, он не переставал его целовать. Естественно, там остались следы.

Сы Юэ с каменным лицом застегнул молнию до самого подбородка.

— И что?

Цзян Юй: «...»

Вот что бывает, когда скромный человек решает, что ему больше нечего терять.

Поскольку Сы Юэ явно не был настроен откровенничать, а допытываться у господина Бай Цзяня Цзян Юю бы и в голову не пришло, они быстро попрощались, и Цзян Юнь плавно увел машину.

Бай Цзянь легко сжал мизинец Сы Юэ:

— Чего бы тебе хотелось съесть?

Жар всё еще не сошел с тела Сы Юэ, в голове было пусто, и он совершенно не мог думать о еде.

— Чего угодно.

В итоге Бай Цзянь привез его в ресторан авторской кухни с уклоном в легкие блюда. Заведение находилось на берегу моря. Во дворе стояло несколько столиков, а сам зал был окружен просторными панорамными окнами от пола до потолка.

Время ужина давно прошло, зато как раз наступила пора ночных перекусов. Гостей было немного, так что еду принесли быстро.

Перед Сы Юэ поставили нежные бараньи ребрышки в черном перце с фенхелем. На гарнир шли поджаристые до золотистой корочки ломтики картофеля, свежие черри и фирменный соус от шефа.

Сы Юэ медленно резал мясо ножом и наконец заговорил:

— В следующий раз мне твоя помощь не понадобится.

Он опустил глаза. У него была такая белая и чувствительная кожа, что любое прикосновение — хоть легкое, хоть жесткое — неизменно оставляло на ней следы. Вся разница была лишь в их интенсивности.

Он плакал. Вжимаясь в грудь Бай Цзяня, он до крови кусал губы, но слезы всё равно катились по щекам, падая на плечо мужчины. То ли от боли, то ли от жгучего стыда.

Даже сейчас у него были красные уголки глаз.

Бай Цзянь налил ему пиалу супа.

— И почему же? — по его тону невозможно было понять, злится он или нет.

Сы Юэ отправил в рот кусочек мяса:

— Я сам могу. С чего бы мне просить твоей помощи?

Он банально не поспевал за ритмом тритона. Ему было невыносимо тяжело выдерживать его напор. Да, он признавал, что это было потрясающе — в сто раз круче всего, что он когда-либо делал сам.

Но это было так постыдно.

Чертовски стыдно.

Оказаться полностью в чужой власти, когда и боль, и удовольствие дозируются кем-то другим... Всё это время его сознание было затуманено, но он прекрасно помнил, каким податливым он был, как охотно отвечал на ласки и какие звуки при этом издавал.

И то, какими глазами Бай Цзянь смотрел на него.

Этот взгляд ясно дал Сы Юэ понять: когда Бай Цзянь говорил, что хочет его съесть, это была не фигура речи. У него действительно были такие мысли, и он вполне мог воплотить их в жизнь.

Услышав ответ, Бай Цзянь едва заметно улыбнулся:

— А-Юэ, мне нужно напомнить тебе, в каких отношениях мы сейчас состоим?

«...»

Так он и знал. Бай Цзянь только с виду кажется мягким и покладистым.

— Я просто говорю, — пробормотал Сы Юэ. Он и сам понимал, что это была лишь «закуска».

— Хорошо, — усмехнулся Бай Цзянь, подкладывая ему на тарелку еще мяса. — А-Юэ сегодня сильно утомился. Тебе нужно как следует поесть.

Сы Юэ: «...»

И как он раньше не замечал, насколько у Бай Цзяня скверный характер?

Ответ на резюме от Третьего исследовательского института пришел на следующий день в обед. Большой зеленый штамп «Одобрено» сопровождался письмом, в котором подробно расписывались его обязанности, контакты куратора и требования к стажерам.

Чэн Цзюэ тоже прошел.

Когда списки зачисленных опубликовали официально, Сы Юэ с удивлением обнаружил, что заявки в Третий институт подали всего пять человек. Для сравнения, в Седьмой хотели попасть больше тысячи — и это не считая выпускников и уже работающих специалистов!

Но самое смешное заключалось в том, что из этой пятерки трое подали резюме параллельно в остальные шесть институтов, хотя в правилах четко прописывалось, что дублирование заявок запрещено.

В итоге этих троих просто отсеяли, и остались только Сы Юэ и Чэн Цзюэ.

Чэн Цзюэ перечитывал письмо раз за разом, ломая голову:

— Насколько же этот Третий институт отстойный, раз они берут даже таких, как я?

Сы Юэ закрыл письмо.

— После пар сходим и посмотрим.

— И то верно, — кивнул Чэн Цзюэ.

Он тоже убрал телефон, повернулся к Сы Юэ и заговорщически понизил голос:

— Слушай, у меня тут вопросик. Я еще с утра хотел спросить, да из головы вылетело. А сейчас вот вспомнил.

Сы Юэ, не отрываясь от учебника, спросил:

— Что за вопрос?

Чэн Цзюэ огляделся по сторонам и перешел почти на шепот:

— Скажи честно... как там господин Бай Цзянь в постели? Хорош? Размер большой?

«...»

Уши Сы Юэ медленно начали заливаться краской. Он потер лицо:

— Тебе-то какое дело?

— Ну интересно же! — Чэн Цзюэ ткнул его ручкой в шею. — От тебя запах тритона за километр разит! Если б я не знал, что ты человек, решил бы, что ты сам тритон!

Запах тритона?

Какой еще запах тритона? Сы Юэ ничего подобного не чувствовал.

Он принялся к рукаву. Утром Бай Лу ел баоцзы² и брызнул на него соком от начинки.

Переодеваться было некогда, так что теперь от него несло засохшей капустой. Вряд ли это и есть «запах тритона».

— Но, знаешь, у господина Бай Цзяня запах не такой, как у нас, — добавил Чэн Цзюэ. — Он какой-то холодный... и опасный. Обычные тритоны так не пахнут.

«Еще бы он был обычным», — мысленно фыркнул Сы Юэ. Бай Цзянь в принципе был далек от понятия «обычный тритон».

Вспомнив об этом, Сы Юэ прикинул в уме: до следующего полнолуния оставалось полмесяца.

Он очень надеялся, что Бай Цзянь проявит сдержанность и будет держать себя в руках. По крайней мере, пусть прячет свои жаберные плавники, а с остальным Сы Юэ как-нибудь смирится.

— Что там у нас следующей парой?

— Лекция старика Фань Си.

Фань Си...

Пока Чэн Цзюэ увлеченно распинаясь о своем восхищении этим профессором, Сы Юэ лениво постукивал ручкой по парте. Фань Си выглядел как добрый дедушка: полненький, с благообразным лицом. Ну никак не вязался его образ с незаконными экспериментами, нарушающими все нормы этики.

Когда Фань Си с журналом и учебниками вошел в аудиторию, Сы Юэ всё еще витал в облаках. Фань Си пару раз кашлянул, и староста соседней группы тут же подскочил, заварил ему горячий чай и поставил на кафедру.

Чэн Цзюэ пнул ножку парты:

— Подлиза.

С начала семестра прошло чуть больше месяца, и студенты успели неплохо изучить друг друга. Группа Сы Юэ, например, совершенно не умела выслуживаться. Они никогда не прогуливали, но на лекциях не проявляли никакой активности, свято веря в принцип «молчание — золото». Если можно было не открывать рот, они его и не открывали.

Две соседние группы, с которыми они делили лекционные часы, представляли собой полную противоположность. На совместных парах те постоянно тянули руки, сыпали вопросами и активно дискутировали, на их фоне группа Сы Юэ выглядела просто блеклым пятном.

Куратор уже не раз распекал их в общем чате, обвиняя в неуважении к преподавателям и отсутствии вовлеченности в процесс. Из-за этого Чэн Цзюэ теперь терпеть не мог эти две группы.

— Тоже мне, образец для подражания! У них каждую неделю кто-то прогуливает! — шипел Чэн Цзюэ. — Пф-ф. Зато когда нас спрашивают, мы всегда правильно отвечаем! А эти только и знают, что опаздывать да пары пропускать. Подумаешь, умеют задницы целовать, великое дело!

Его язвительность была чисто защитной реакцией, обычно он был куда добродушнее.

Сы Юэ полуприкрыл глаза:

— Будешь так злиться — печень посадишь.

«...»

Чэн Цзюэ придвинулся к нему:

— А-Юэ, а все богачи такие же спокойные, как ты?

Сы Юэ поднял на него взгляд:

— У меня плохой характер.

— Да ладно! Как по мне, у тебя просто ангельское терпение! Все мажоры, которых я знаю, смотрят на других как на мусор. Причем неважно, люди это или тритоны.

Сы Юэ слегка отодвинул Чэн Цзюэ, который чуть ли не тыкался носом ему в щеку:

— Вообще-то я люблю драться.

— Не выдумывай! — воззрился на него Чэн Цзюэ с таким видом, словно перед ним сидел хейтер Сы Юэ. Он немедленно бросился на защиту: — С начала учебы ты ни разу ни с кем не сцепился! А я вот, между прочим, со старостой на днях поругался!

Сы Юэ лениво протянул:

— Драться из-за всякой ерунды — глупо.

К тому же, если проблему можно было решить обычными методами, Сы Юэ предпочитал не пускать в ход кулаки. Таков был его принцип. Драка требует не только оценки физических сил противника, но и понимания, кто стоит у него за спиной.

Неважно, победишь ты или проиграешь — в итоге всё равно останешься в минусе. Это просто нерентабельная сделка.

Раньше он дрался только потому, что люди переходили все границы и садились ему на шею. А после того, как он переехал в семью Бай, на него, видимо, повлиял Бай Цзянь. Сы Юэ начал понимать, что в мире не так уж много вещей, из-за которых стоит всерьез злиться. Для любой проблемы всегда найдется больше одного решения. И если можно выбрать самый мягкий и эффективный путь, зачем лезть напролом? Этому он научился у Бай Цзяня.

Настроение у Фань Си сегодня было отличным. Рассказывая материал, он так воодушевлялся,

что бегал туда-сюда по кафедре, вызывая смешки у аудитории.

Под конец лекции он попросил старосту раздать проверенные домашние работы.

Фань Си лично проверил эссе каждого студента. Сы Юэ и Чэн Цзюэ, сидевшие на задних рядах, слышали, как впереди шелестят листы и студенты сверяют баллы.

— О, у меня 90! Я счастлив!

— А у меня почему только 60?!

— Кому 40 баллов?

Сы Юэ наконец-то получил свою работу. В самом низу листа красными чернилами красовался жирный ноль.

«...»

Чэн Цзюэ посмотрел на свои 20 баллов, потом заглянул в работу Сы Юэ и сделал такое лицо, будто хотел сказать: «Я точно ослеп, дай-ка посмотрю на свету». Но как он ни приглядывался, там всё равно стоял ноль.

— Как так — ноль?! Я думал, мои 20 — это дно! — Чэн Цзюэ пробежался глазами по эссе Сы Юэ. — У тебя отличные аргументы и выводы, всё по делу написано!

Сы Юэ спокойно сунул эссе в рюкзак:

— Да плевать.

Правда, было чуточку обидно. Он уже очень давно не получал нулей.

— Все получили свои работы? — Фань Си оперся руками о трибуну и бросил мимолетный, но многозначительный взгляд в сторону Сы Юэ. Затем он заговорил тоном мудрого наставника:

— Некоторые студенты... если вы с порога категорично отвергаете любые новые, неизученные экспериментальные проекты — то, уж простите мою прямоту, вам не место в исследовательских институтах.

— Любой эксперимент несет в себе риск провала. Каждое исследование — это вызов. Те блага цивилизации, которыми мы пользуемся сейчас, будь то медицина или электроника, появились лишь благодаря тому, что наши предшественники совершали тысячи и тысячи попыток.

Сы Юэ мог поклясться: эта пламенная речь была адресована лично ему.

Ведь его эссе начиналось со слов: «Я считаю, что межвидовое превращение тритонов в людей и людей в осьминогов абсолютно невозможно».

Категоричное отрицание.

Вот он и наступил старику Фань Си на больную мозоль.

Сы Юэ опустил глаза, делая вид, что всё это его совершенно не касается.

— Именно поэтому я поставил этим студентам ноль баллов. И не потому, что работы написаны плохо. Наоборот, их логика и аргументация предельно ясны. К сожалению, их позиция слишком безапелляционна. Я снимаю им по 10 баллов с итоговой оценки. Пусть в следующий раз думают шире.

Едва он договорил, прозвенел звонок.

Баллы в мединституте давались потом и кровью, за каждый процент студенты бились насмерть. Услышав о снятии сразу 10 баллов, Чэн Цзюэ чуть не схватил инфаркт.

Он сочувственно посмотрел на Сы Юэ:

— Не переживай. Просто на экзамене постарайся набрать побольше, чтобы не пойти на пересдачу.

Сы Юэ беспечно усмехнулся:

— Да ерунда это всё. Пошли лучше в институт стажировку оформлять.

Он сегодня сам приехал за рулем. И снова на том же «Куллинане».

Чэн Цзюэ всегда трясся над оценками. Боясь, что Сы Юэ втайне убивается горем, он всю дорогу бросал на него взгляды, полные щенячьей заботы и желания согреть душевным теплом.

Сы Юэ: «...»

Как раз начался перерыв. Идя к парковке, Сы Юэ просматривал сообщения в телефоне. Написали Бай Цзянь и Чжоу Яньян.

Бай Цзянь интересовался, когда он будет дома, чтобы дядя Чэнь мог подать ужин.

Сы Юэ ответил:

[Ешьте без меня. Я записался на стажировку в институт, сегодня нужно подать документы, так что буду поздно.]

Чжоу Яньян тем временем продолжал костерить Цзян Ши. Из потока его сумбурной, избобилующей матам брани Сы Юэ ясно чувствовал: друг тоже растерян и обижен.

[Этот мудака Цзян Ши! Я сегодня к нему поехал, мы чуть не подрались! Он мне заявил, что я только и умею, что транжирить родительские деньги и ждать смерти. Да блядь, он что, забыл, что у меня два старших брата?! Если я начну подавать надежды, они меня со свету сживут!]

[Пусть этот придурок убьется об стену! Раз он такой крутой, хера ли он вообще с нами общался?! Как же, блядь, он, бедненький, страдал, общаясь с нами, мусором, столько лет!]

[Увижу его — зуб даю, морду набью! Так с братьями не поступают!]

[Походу, он мне роговицу отбил, у меня один глаз ни хрена не видит.]

Следом прилетело видео. Чжоу Янъян сидел в больнице. Один глаз нормальный, а второй заплыл так, что осталась только щелочка. На углу губы красовался здоровенный синяк.

Сы Юэ нахмурился и набрал ответ:

[Ты никогда не мог его побить, не лезь больше, только хуже сделаешь. Забей. Считай, что мы его никогда не знали.]

Нажав кнопку «Отправить», Сы Юэ почувствовал, как в груди разливается едкая, ноющая боль. Ему не было так паршиво даже из-за нуля по эссе.

Он вспомнил, как в первом классе старшей школы поругался с отцом и решил сбежать из дома, чтобы «странствовать по миру».

Чжоу Янъян тогда послал его куда подальше. А Цзян Шии примчался к нему на велосипеде, остановился под тусклым фонарем у забора и позвонил. Осенний ветер трепал полы его рубашки, а когда он улыбался, на правой щеке появлялась ямочка.

— А-Юэ, запрыгивай! Погнали странствовать по миру!

Сы Юэ выскользнул через черный ход и сел к нему на багажник. В итоге они просто сделали круг по набережной. Луна над Цинбэем в ту ночь светила невероятно ярко, спина Цзян Шии перед ним была еще совсем мальчишеской, а Сы Юэ захлебывался от щенячьего восторга:

— Цзян Шии, мы, мать твою, будем братьями на всю жизнь!

И сквозь шум прибоя и вой ветра Цзян Шии крикнул в ответ:

— Идет!

— А-Юэ, на тебе лица нет, — Чэн Цзюэ тронул его за плечо. Он впервые видел у Сы Юэ такое сложное, нечитаемое выражение лица. Чэн Цзюэ не мог подобрать слов, но всем нутром чувствовал: после того, как Сы Юэ заглянул в телефон, его аура полностью изменилась.

Исчезла привычная ленивая беззаботность. Казалось, он получил какую-то ужасную весть и превратился в совершенно другого человека.

Инстинкт самосохранения шептал Чэн Цзюэ, что сейчас лучше обнять себя руками и не отвечивать.

По дороге от учебного корпуса к парковке шли толпы студентов, кто на пары, кто домой. Из-за тесноты все двигались медленно.

Вокруг гудело множество голосов, разговоры сливались в сплошной фоновый шум.

Но слух Сы Юэ еще никогда не был таким острым. Он мог не просто вычленять отдельные фразы, но и улавливать тональность, вибрацию связок и малейшие колебания в интонациях собеседников.

— Вон тот, что ли?

— Ага, в белом худи. Сын Сы Цзяньюаня. Говорят, из-за него семья Сы крупно прогорела на контракте с Баями, вот его и отдали Бай Цзяню в качестве компенсации.

— Охренеть, за тритона?

— Тише ты! — парень заговорил почти шепотом. — Ты что, новости не читаешь? Это давно уже публично объявили! Как ты мог пропустить?

— Да откуда мне знать? Я в интернете не сижу, а за тем, кто с кем женится, вообще не слежу. Блин, а на хрена он за тритона-то пошел? Из-за бабок?

— А из-за чего еще? Честно сказать, если бы мне предложили, я бы лучше сдох, чем с тритоном спать лег. Это же ничем не отличается от зоофилии!

— Тс-с-с! Тут же тритоны вокруг!

— Да плевать. Слух у них чуть лучше нашего, но они же не экстрасенсы, — пренебрежительно фыркнул второй. Его презрение явно относилось к тритонам. — Всё равно не понимаю. Дикость какая-то.

— Слушай, ну говорят же, что тритоны в постели просто огонь. Может, он как раз на это и повелся?

Собеседники сбились в кучу, обсуждая это всё более возбужденно.

Сы Юэ замедлил шаг. Его лицо потемнело, как грозовая туча.

Чэн Цзюэ не понимал, в чем дело, и просто притормозил следом.

А разговор тем временем продолжался.

— Ну, спать с животинкой — это, конечно, экстрим. С этой точки зрения всё встает на свои места.

— А по нему и не скажешь. Вроде нормальный парень.

— В тихом омуте черти водятся. Чем праведнее мордочка, тем грязнее извращения в постели. Ты же знаешь этих богатеев: им обычный секс уже поперек горла стоит, вот они и ищут острых ощущений. И чем извращеннее, тем лучше.

Пока Чэн Цзюэ ломал голову, что же случилось с его другом, ему в руки неожиданно прилетел чужой рюкзак.

Он опешил и обернулся. Сы Юэ уже развернулся и шел в обратную сторону.

— Малыш! — позвал Чэн Цзюэ.

Сы Юэ шагал против течения толпы с таким каменным, убийственным выражением лица, что студенты инстинктивно шарахались в стороны.

Он легко выцепил взглядом ту самую парочку. Схватив одного из них за грудки, Сы Юэ одним резким рывком протащил его пару метров и с размаху впечатал спиной в ствол платана.

— Кто здесь животное?

Горло парня сдавило так, что он начал задыхаться, лицо мгновенно налилось багровым цветом. Проходящие мимо студенты начали останавливаться. От стыда и паники парень прохрипел:

— Какое животное?! Ты о чем вообще, я тебя не понимаю!

Сы Юэ презрительно хмыкнул. Он наклонился ближе, глядя на него сверху вниз ледяным взглядом:

— Только что ты назвал мой брак с тритоном зоофилией. Я всё слышал.

Парень резко вскинул голову, его глаза расширились от ужаса, а губы предательски задрожали.

— Я ничего такого не говорил.

— Хорошо. Не говорил, — хватка на вороте начала медленно ослабевать, но в то же время вторая рука Сы Юэ сжалась в крепкий кулак. — Тогда я буду бить тебя до тех пор, пока ты не извинишься.

Сы Юэ говорил тихо и пугающе спокойно. И едва последнее слово слетело с его губ, его кулак с размаху врезался в лицо парня.

Удар был безжалостным. Парень тут же обмяк и сполз на землю. Вокруг собралась толпа, но никто не решался вмешаться.

Никто, кроме друга побитого — того самого, с которым они распускали сплетни.

Он подскочил к Сы Юэ сзади, мертвой хваткой обхватил его за шею и попытался повалить на землю. Он был коренастее Сы Юэ, хоть и немного ниже, а под футболкой бугрились мышцы.

— Личико и правда смазливое, есть чем торговать. Жаль только, что подстилкой для нелюдя стал, — прошипел он.

Глаза Сы Юэ полыхнули ледяной яростью. Он резко ударил локтем назад, точно в солнечное сплетение противника. Тот охнул, согнулся пополам и выпустил шею Сы Юэ, отшатнувшись на пару шагов. Сы Юэ никогда не давал врагам времени на передышку. Не успел парень даже

вздохнуть, как Сы Юэ развернулся и с разворота впечатал ногу ему в плечо.

Но противник тоже был не из робкого десятка. Получив удар, он не упал, а, наоборот, с ревом бросился на Сы Юэ, метя кулаком ему в лицо. Сы Юэ уклонился, но чуть-чуть не рассчитал скорость — кулак вскользь прошелся по его челюсти, разбив губу.

Сы Юэ тыльной стороной ладони стер кровь с уголка рта и, не колеблясь ни секунды, бросился в атаку.

Силы были примерно равны. Они сцепились в клубок, щедро осыпая друг друга ударами. Наконец, толпа очнулась, и несколько парней кинулись их разнимать.

— Эй, хорош!

— Бля, хватит, убьете друг друга!

Чэн Цзюэ стоял ни жив ни мертв. Он с детства был послушным мальчиком: да, учился так себе, но в драках отродясь не участвовал. Прижимая к груди рюкзак Сы Юэ, он с ужасом смотрел, как его друг, который всего десять минут назад был таким чистеньким и красивым, теперь стоял с разбитым лицом.

В драке Сы Юэ преображался. Он был похож на разъяренного леопарда: бил быстро, жестко и вкладывал в каждый удар весь свой вес.

Его противник выглядел куда более потрепанным. Ему пришлось несколько раз судорожно перебирать ногами по земле, прежде чем он смог подняться. Он сплюнул кровавую слюну, но, встретившись с убийственно-темным взглядом Сы Юэ, проглотил ругательства, которые уже рвались с губ.

Чэн Цзюэ чуть не расплакался от сочувствия. Ведь это был его самый первый друг!

В итоге обоих драчунов, а также того парня, который всё это время лежал в отключке под деревом, доставили в кабинеты кураторов.

Сы Юэ был с медицинского, а те двое — с финансово-экономического.

Два куратора, каждый со своей термкружкой, переглянулись и синхронно, тяжело вздохнули.

— В общественном месте! Провокация конфликта! Драка! Вы хоть понимаете, насколько это вопиющее нарушение?!

— Вы же студенты университета! Голова вам для чего дана?!

— Изувечили друг друга! Неужели не больно?

— Сы Юэ, я на тебя такие надежды возлагал, а ты мне что устроил?!

— Не могли всё словами решить? Обязательно кулаками махать?!

— Да если уж приспичило, нашли бы хоть место, где камер нет!

«...»

— Эх, молодежь... Понятно, что кровь кипит, но вы как-то берега-то не путайте.

— Вызов родителей, объяснительная и выговор в личное дело. Выбирайте два пункта из трех.

Сы Юэ дотронулся до ссадины в уголке рта, посмотрел на размазанную по пальцам кровь и ровным голосом произнес:

— Объяснительная и выговор.

Двое других уставились на него с неприкрытым шоком. Во-первых, он ответил без малейших колебаний. Во-вторых... он реально выбрал выговор?!

Его куратор, явно не ожидавший такого поворота, поперхнулся воздухом:

— Этот выговор будет висеть в твоём личном деле до конца жизни!

Он хлопнул ладонью по столу:

— Я звоню твоим родителям!

Сы Юэ опустил голову и так же невозмутимо ответил:

— Вы сами сказали: выбирайте.

Куратор с таким грохотом опустил термокружку, что чай чуть не выплеснулся наружу:

— Да если б я знал, что ты выберешь выговор, я бы вообще права выбора не давал!

Мужчина открыл на телефоне таблицу с контактами родителей, долго листал, выискивая нужную строчку, и наконец нажал на вызов. Слушая гудки, он тяжело, с ноткой отчаяния вздыхал.

Сы Юэ было абсолютно всё равно на вызов родителей. Ему просто не хотелось слушать нудные нотации Сы Цзяньюаня. Но если уж куратор так уперся, то ладно. Он всё равно не смог бы ему помешать.

Он бездумно смотрел на пар, поднимающийся от чая куратора... И вдруг его сердце пропустило удар.

Он вспомнил.

При поступлении в графе «Контактное лицо» он указал номер Бай Цзяня.

Сы Юэ охватила настоящая паника. Его встревоженный вид заметил даже куратор с финансового факультета. Двое преподавателей переглянулись.

«Ага, испугался!» — читалось в их глазах.

«Я же говорил! В мире нет студента, который не боялся бы вызова родителей!»

Куратор Сы Юэ мстительно включил громкую связь:

— Послушай сам, как твоему старику-отцу придется краснеть за тебя.

Звонок приняли. Куратор немедленно начал:

— Здравствуйте! Вы отец студента Сы Юэ?

— Здравствуйте, — это был личный номер Бай Цзяня, который был только у самых близких. И хотя номер входящего был незнаком, он всё равно ответил. Спокойным, низким и глубоким голосом он мягко опроверг свою принадлежность к «отцам»: — Я Бай Цзянь. Я партнер Сы Юэ.

Нервы Сы Юэ не выдержали. Он выхватил телефон из рук опешившего куратора и на одном дыхании, с жутко обиженной интонацией, выпалил в трубку:

— Бай Цзянь! Я подрался! Сказали вызвать родителей, так что приезжай давай!

И, не дожидаясь ответа, сбросил вызов, после чего как ни в чем не бывало сунул телефон обратно в руки куратору.

Одэн (煎蛋 / гуаньдунчжу) — японское зимнее блюдо. Состоит из различных ингредиентов (вареные яйца, дайкон, рыбные котлеты, тофу и т.д.), которые долго тушатся в соевом бульоне с водорослями комбу. В Китае и других странах Азии продается в круглосуточных магазинах как популярный стритфуд.

Баоцзы (包子) — традиционные китайские паровые булочки с начинкой (мясной или овощной).